

ОРИЕНТАЦИОННЫЕ АТТРАКТОРЫ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

В.М. КРЮКОВ

*Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь*

Введение. Корректная организация образования, насущная потребность которой находит свое проявление в многочисленных попытках модернизации образовательного процесса на всех уровнях – от начального до высшего, не может не обуславливаться тем, что в современной общественной жизни, характеризующейся высокой динамичностью, ускоренностью и коммуникативностью, институт образования выступает своего рода «товаропроводящей сетью» от науки, доносящей новое знание до потребителя (производства и культуры) [1, с.10]. При этом механизм взаимодействия науки и образования, в идеале вбирающего в себя наивысшие достижения научной мысли своего времени, хорошо работает только в периоды нормального (по Куну) развития науки. Повсеместное же обращение внимания к науке как своего рода локомотиву выхода из мирового экономического кризиса, требования перевода экономики на инновационный путь развития влечет за собой поиск форм и средств пусть не идеального, но, по крайней мере, эффективного внедрения научных знаний во все сферы общественной жизни. Вместе с тем последняя четверть XX столетия и начало XXI столетия характеризуются существенными сдвигами в осмыслении фундаментальных оснований, целей и средств жизнедеятельности человека в современном глобализирующемся мире, приближающемся по своей значимости к революционным.

Известно, однако, что в каждую историческую эпоху революционные изменения в научном сознании влекут «переналадку» науки на всех уровнях её социального функционирования: как формы сознания, социального института, производительной силы. Будучи масштабным и экономически затратным явлением, такая переналадка (перестройка) особенно трудно проходит в образовании и культуре, ведь «пока наука занята пересмотром своих собственных оснований, образование тщетно пытается разглядеть новое знание через очки предшествующей парадигмы... Труднее всего приходится «надстроить» – культуре. Не получая ничего нового от традиционного поставщика – общедоступного естественнонаучного образования, она вынуждена приобретать «товар» на диком рынке популяризации, ориентируясь на еще более специфическую рекламную сеть – средства массовой информации [1].

Перестройка оснований науки, происходившая ранее и происходящая ныне под натиском проблем, решение которых уже невозможно при помощи традиционных средств познания, в значительной мере связана с наработкой новых, эвристически значимых идей, с изменением и обогащением категориального аппарата науки, в котором каждая новая идея и категория выступают в качестве своеобразного аттрактора мысли, гносеолого-методологической матрицы, обуславливающей особенности и содержание соответственно меняющегося стиля научного мышления, опосредующего осмысление, целостность, характер постижения и преобразования действительности.

Перестройки такого рода, отвечая потребностям общественного развития, редки, они не происходят в одночасье, требуют значительных интеллектуальных и материальных затрат. Радикальные «подвижки», перестройки, революции в науке, прежде чем они находят широкое применение в практике, становясь достоянием всего общества, проходят не всегда афишируемую апробацию философским мышлением, осваиваются, а затем через образовательные процессы ассимилируются в различных сферах общественного сознания.

От того, насколько оперативно справляется с задачей выработки, ассимиляции и применения категориальных матриц познания каждое из звеньев – наука, философия, образование, от глубины и прочности их взаимодействия зависит темп и качество материальных, социальных и духовных преобразований, осуществляемых человеком. Ускоренность социальных процессов, характерная для XX века, в немалой степени была обусловлена постоянным сокращением времени, необходимого для того, чтобы достижения научной мысли в том или ином виде через посредство системы образования «вошли в сознание» не только новой генерации научного сообщества, но и того достаточно широкого круга «потребителей», которые непосредственно причастны к практической реализации теоретических идей. Однако между различными агентами, опосредствующими преоб-

разовательную деятельность человека в мире – от рождения идеи до материального её воплощения – на различных исторических этапах далеко не всегда складывались и складываются гармоничные отношения. В реальности эти отношения простираются в широком диапазоне: от взаимодействия до противостояния.

В настоящей статье связь науки, философии и образования рассматривается через проявление и реализацию в их деятельности ориентирующей функции универсалий культуры, обобщаемых и выражаемых философским мышлением.

Основная часть. Устойчивая ориентация в недавнем прошлом теории познания и философии науки на идеалы естествознания существенно продвинула развитие их понятийного аппарата, представлений о структуре, методах и формах познания, создало высокую культуру логико-методологических исследований. Вместе с тем стало очевидно, что имевший в это время место «крен» философии науки в сторону естественнонаучной методологии и тем более попытки абсолютизации и монополизации этой методологии в качестве единственно правильного и истинного пути познания действительности не были оправданы. Они не были оправданы потому, что огромная область знания, более тесно связанная с духовной, а не материальной культурой, не находила (в условиях предпочтения естественнонаучной методологической ориентации любой другой) должного выражения в узком диапазоне категорий и принципов познания, формируемых на базе естествознания. В то же время для естествоиспытателей вряд ли был бы приемлем и оправдан «крен» методологии в противоположную сторону, когда в стремлении к теоретической реконструкции субъекта, стоящего за знанием, на передний план развития методологических средств научного познания выдвигались бы методы и формы гуманитарных наук с их, несомненно, высоким гносеолого-эвристическим и методологическим потенциалом.

С конца XX – начала XXI столетия в науке происходят достаточно глубокие изменения структурного, содержательного и функционального характера. Исследованию этих изменений, выявлению их причин и следствий уделялось и уделяется значительное внимание философами, учеными и собственно самими учеными-естествоиспытателями и гуманитариями. В этот период стала аксиомой необходимость не только преодоления разделения гуманитарного и естественнонаучного типов культуры, но и активного развития синтетического направления, «объединяющего в одно целое исследование процессов в неживой природе, живой материи и человеческом обществе» [2, с. 197].

Данную направленность наука обретает и в силу рефлексии над собственным развитием, способствующим совершенствованию средств ее деятельности, углублению и уточнению представлений об окружающем мире, и в силу того, что в научной сфере человек раскрывает одну из важнейших, сущностных сторон своего бытия – раскрывает себя как познающее существо, находящее в познании мира и самого себя мотивы и средства изменения, совершенствования природной, социальной и духовной реальности, средства построения мира с качественно новым набором свойств и характеристик, не имеющих аналогов в историческом прошлом, раскрывает себя как существо, изобретающее мир будущего.

Глубина, целостность и истинность понимания объектов любой природы и любой степени сложности достигается в такой постановке вопроса о соотношении естественнонаучной и гуманитарных культур мышления не только применением принципа дополнительности, когда знание об объекте, полученное естественнонаучными методами, дополняется знаниями, полученными методами гуманитарных (социальных, технических) наук, а понятийный багаж науки в целом обогащается за счет каждой из культур, – она достигается *опорой мышления на категории философско-мировоззренческого характера, возникающие именно в рамках синтетической деятельности науки*. Такого рода категории выражают не только природную, социальную или духовную действительность в их отдельном, автономном проявлении, но прежде всего выражают совместное, синтетическое, взаимопроникновенное, «кооперативное» бытие природы, социума и мыслящего человека. Сегодняшнее появление этих категорий было подготовлено всей историей процесса познания, в которой периоды эволюционного развития, а затем и постнеклассической.

Аксиомой стало и то, что на любом историческом этапе усвоение и практическое применение результатов предшествующей философской мысли, важное и необходимое для дальнейшего движения вперед, не отменяли потребности усмотрения новых мировоззренческих, гносеологических и методологических подвижек в сознании научного сообщества, свидетельствующих о никогда не прекращающемся поиске и обнаружении, соответственно, новых «опор», отправных пунктов, мировоззренческо-гносеологических аттракторов, ориентиров мышления и деятельности в бесконечном многообразии и постоянной текучести всего сущего. Обращение внимания и активное

освоение такого рода фундирующих познание и деятельность элементов – важная задача образования как посредника между наукой и потребителем научного знания.

Сегодня речь не идет пока о каких-то совершенно новых феноменах, обнаруживаемых гносеологическим мышлением, – речь идет о феноменах, которые, находясь «на слуху», не стали еще в должной мере эффективными средствами научно-исследовательской практики – не обрели статус неотъемлемых ординарных элементов современного стиля научного мышления. В то же время в своей совокупности они уже сейчас, на наш взгляд, составляют специфический «блок оснований» этого стиля, возникающий во взаимодействии, кооперировании сравнительно новых онтогносеологических образований – *ноосферности, синергетичности, ориентационности, экологичности, глобализационности*, выводящих современную исследовательскую мысль, прочно обосновавшуюся в пространстве постнеклассической рациональности, в область формирования качественно новых представлений, образов действительности, синтезирующих из, казалось бы, несовместимых элементов знания теоретические конструкты, практическому воплощению которых не препятствуют ни законы природы, ни законы социума, ни законы духа.

Наука при любых гносеологических интерпретациях познавательного процесса ищет соответствия своих представлений о действительности с самой действительностью. В этом смысле объективные закономерности последней становятся онтологическими предпосылками теоретических представлений не в меньшей мере, чем теоретические конструкты становятся, пусть и не непосредственными, но оттого не менее важными предпосылками практической материально-преобразовательной деятельности. И если требуются немалые сознательные усилия для того, чтобы вычленил объективно существующий фрагмент реальности, отличив его характеристики от характеристик окружающей среды, то нужны также определенные усилия для осмысления тех инструментов познавательной деятельности, при помощи которых такое вычленение, дифференциация становятся возможны. Нельзя не согласиться в этой связи, что процесс объективации и объектогенез, как его результат определяются, в конечном счете, характером и степенью развитости всей системы форм и способов освоения человеком окружающей реальности, специфичных для культуры определенной эпохи, и что *решающее значение при этом имеют ориентации, задаваемые системой философских категорий и принципов* [3, с.214], в качестве априорных факторов познавательной и практической деятельности. Так, например, «сетка» категорий, сложившаяся в системе философского знания XVII в., ориентировала исследователя на представление познаваемых объектов в виде малых механических систем с соответствующими им атрибутами. При этом существование множества других – саморазвивающихся и самоорганизующихся систем либо игнорировалось, либо они представлялись в качестве малых механических систем именно потому, что на это ориентировали философские основания науки.

Акцентируя здесь внимание на ориентирующей функции философии (философских категорий) в организации научно-познавательной деятельности, необходимо выделить, по меньшей мере, три аспекта. Во-первых, едва ли не полное отсутствие теоретической рефлексии этой функции в философско-методологическом сознании. Во-вторых, наличие определенных предпосылок такого рода рефлексии – явных или не явных – в различных философских источниках. В-третьих, появление возможностей рефлексии, ориентирующей функции философии и ее категорий в свете идей эволюционной эпистемологии и синергетической концепции.

Относительно первого аспекта автор достаточно полно высказал свою точку зрения в ряде публикаций последнего времени и, в частности, в монографии «Бытие и ориентация» [4], в которой обосновывается необходимость специальной гносеолого-методологической рефлексии феномена ориентации в жизнедеятельности человека вообще и в научно-познавательной деятельности в частности.

Мысль о том, что ориентация не только находит свое проявление в высших формах деятельности – науке, религии, философии, но и коренится в самых истоках жизни, свойственна как естествоиспытателям, так и философам. Не случайно первый высказавший идею о биологической обусловленности человеческого познания австрийский биолог К.Лоренц в своей работе «Кантовская концепция *a priori* в свете современной биологии» называет великим и фундаментальным открытием положение Канта о том, что человеческое мышление и восприятие обладают определенными функциональными структурами до всякого опыта. Но если К.Лоренц считал кантовскую идею априори принципиально важной для исследования мироориентации у живых существ, то русский физиолог И. Павлов несколько раньше находил, что ориентировочный рефлекс, наличие которого у любого организма является необходимой предпосылкой сохранения жизни, у человека реализуется на высшем уровне в виде научной ориентировки в мире.

Согласно Лоренцу, формы и категории, в которых человек мыслит и воспринимает реальность, при помощи которых осуществляется его ориентация в мире, заданы априорно, т.е. до всякого контакта отдельного, частного индивидуума с окружающей реальностью, ибо они определены самой конституцией человека как биологического вида. Лоренц указывает на наличие некоего «филогенетического априори», смысл которого состоит в том, что всякое живое существо, в том числе и человек, строит свое отношение к окружающей среде на основе генетически унаследованной программы. Это априори, понимаемое как наследственная предрасположенность воспринимать и мыслить в определенных формах и категориях, возникает, по Лоренцу, в процессе эволюции и служит сохранению вида и его адаптации в окружающей среде [5, с.18].

Не вникая в механизмы филогенетического априоризма человека как *биологического существа*, заметим, что культура в целом и ее составляющие (наука, искусство, литература и т.д.) в отдельности являются механизмами передачи, хранения и преобразования социальной информации. Являются, следовательно, в определенном отношении априорными факторами детерминации жизнедеятельности человека как *существа социального*. В этом плане формы и категории, в которых человек мыслит и воспринимает действительность, при помощи которых осуществляется его ориентация в мире, априорно заданы для него универсалиями культуры, вырабатываемыми в ходе целостного процесса общественно-исторического развития, и категориями, вырабатываемыми различными формами общественного сознания (наукой, религией, философией и т.д.) на отдельных этапах развития общества.

Подчеркивая историчность содержания категорий, их особую социокультурную обусловленность, В.С.Стёпин отмечает, что в каждом типе культуры наличествует специфический категориальный строй сознания, который диалектически соединяет в своем содержании моменты абсолютного, непреходящего (выражающего глубинные инварианты человеческого бытия, его атрибуты) и моменты относительного, исторически изменчивого (выражающие особенности культуры исторически определенного типа общества, присущие ему формы и способы общения и деятельности людей, хранения и передачи социального опыта, принятую в нем шкалу ценностей).

Система категорий, активно используемая общественным сознанием в определенную эпоху, лежащая тем самым в основании культуры соответствующей эпохи, выражает её (эпохи) мировоззрение. Согласно В.С.Стёпину, универсалии культуры транслируют накопленный социальный опыт, передают его от поколения к поколению, обеспечивают воспроизводство определенного образа социальной жизни и определенного типа личности. Они выступают в качестве фундаментальных программ, которые предопределяют сцепление, воспроизводство и вариации всего многообразия конкретных форм и видов поведения и деятельности, характерных для определенного типа социальной организации. Примечательно то, что в общем случае «для человека, сформированного соответствующей культурой, смысл системы её категорий выступает как нечто само собой разумеющееся, как единая «презумпция», которую он обычно не осознает в качестве глубинного основания своего миропонимания и мироощущения» [6].

Философские категории, являясь теоретическими рефлексиями над универсалиями культуры, будучи усвоенными научным мышлением, *априори ориентируют* познание и деятельность человека. Так, биологическая деятельность, согласно Р.С.Карпинской, невозможна без предпосылочной ориентации ученого на одну из сторон традиционных дилемм биологии (механицизм – витализм, редуccionизм – антиредуccionизм, автогенез – эктогенез, преформизм – эпигенез). Мировоззренческое содержание этих дилемм постоянно имеется в виду в ходе исследования. Однако оно обретает определенность позиции исследователя лишь на «выходе», при создании теоретической концепции, содержание которой позволяет судить о том, каковы же мировоззренческо – философские основания данного исследования [7, С.21].

Не абсолютизируя биологический акцент в понимании «филогенетического априори», можно утверждать, что на уровне социального субъекта познания и деятельности, каковым в действительности является любой человек, социальный опыт прошлого в форме ли культурных универсалий или иной форме социальной информации не только предшествует актуальной практике, но и во многом её предопределяет: ориентирует, направляет, детерминирует. Есть основания утверждать, что изменение фундаментальных ориентаций научной мысли, происходящее в периоды научных революций через опосредованное философией существенное обновление философско-мировоззренческого и гносеолого-методологического категориального аппарата науки, изменение, в связи с этим, стиля научного мышления является синергетическим процессом. Это так, поскольку в нем не только специфически взаимодействуют, кооперируются природные, биологические, социальные и когнитивные составляющие жизни общественного организма как целостности, но и

происходит переход этого организма к новым формам социального бытия. Отсюда следует также, что философия, деятельность которой во многом определяется способностью выражать в логической форме универсалии культуры, непосредственным образом включена в процесс формирования различных видов реальных и возможных ориентаций научной мысли, столь же укорененных в пространстве прошлого, сколь и в пространствах настоящего и будущего. Именно этим, на наш взгляд, философия реализует присущую ей, среди других важнейших функций, – функцию ориентации. Внимание к роли, значимости мировоззренческих ориентаций, формируемых в рамках философии, к средствам их реализации в познавательной и практической деятельности, характерно для ряда высказываний В.С.Степина. Среди них, в частности, следующие:

- «Любая сложившаяся в культуре категориальная модель мира сохраняется до тех пор, пока она выполняет функции мировоззренческого ориентира, обеспечивающего воспроизводство, генерацию и сцепление необходимых обществу видов деятельности»;
- «По мере развития производства и появления новых видов деятельности в обществе возникает потребность в новых типах мировоззренческих ориентаций, которые обеспечивали бы переход к новым формам социальной жизни»;
- «Переустройство общества всегда начинается с критики ранее господствующих ориентаций и смыслов жизни, которые исчерпали свои возможности в качестве глубинных программ человеческой жизнедеятельности»;
- «Рефлексия над основаниями культуры и составляет важнейшую задачу философского мышления. Необходимость этой рефлексии вызвана не чисто познавательным интересом, а реальными потребностями в поиске новых мировоззренческих ориентаций, в выработке и обосновании новых предельных программ человеческой жизнедеятельности. Философия, анализируя смыслы категорий культуры, выступает в этой деятельности как теоретическое ядро мировоззрения»;
- «Различные философские направления вступают в диалог друг с другом с целью выявить смысложизненные ориентиры, которые должны стать опорой человеку ...в нашем целостном и быстроменяющемся мире»;
- «Философское мышление всегда движется как бы между двумя полюсами: на одном оно тесно соприкасается с реалиями современной ему жизни, на другом – выходит за их рамки и создает своеобразные проекты тех общественных и духовных структур, которые могут стать основаниями будущего развития культуры. В этом смысле философия одновременно выступает квинтэссенцией наличной культуры и смысловым ядром культуры будущего, своеобразной наукой о «возможных человеческих мирах» [8, С.22].

Осмысление ориентирующей и априористской роли философских категорий в становлении научного мышления в переломные моменты общественной истории предвдваряет осознанный поиск, рефлексию в культуре в целом и в истории естественнонаучной и гуманитарной мысли, в частности, тех фундаментальных понятий, «сеть» которых в познании и деятельности способна в новых исторических реалиях подвести надежный фундамент под непрерывно растущее здание современной науки.

Акцентировка внимания на роли философских знаний как связующего звена между культурой конкретной исторической эпохи и функционирующей в ней науки, раскрытие этой роли в результате анализа содержания универсалий культуры и их выражения в системе философского знания, а также анализа процессов воздействия универсалий на научное познание, позволяет применительно к современному состоянию отношений науки, образования и культуры говорить, к примеру, о некоторых значимых тенденциях современного научного познания и соответствующих типах ориентации. О них достаточно ясно, на наш взгляд, высказывается В.К. Лукашевич. Согласно ему, «первая тенденция связана с ориентацией классической науки на поиск элементарных объектов и исследование наиболее глубоких уровней реальности с тем, чтобы открытые там законы могли объяснить свойства и поведение более масштабных систем» [3, с.215]; «вторая тенденция связана с ориентацией на конструирование больших динамических систем, в русле функционирования которых наблюдаются прямо противоположные эффекты – трансформация законов нижележащих уровней системы под воздействием ее вышележащих уровней» [3, с.216].

Социогуманитарный смысл названных ориентаций очевиден – он обусловлен экономическими и социально-политическими факторами. К другим типам ориентаций, упоминаемых Лукашевичем, могут быть отнесены натуралистическая и космическая ориентации на исследование реальности такой, какой она есть, безотносительно к человеческому познанию, какова она есть «в своих собственных характеристиках»; ориентация фундаментальных исследований «на изучение частиц» и противоположная ей – ориентация «на исследование процессов и систем» [3, с.216,218].

Разумеется, приведенные типы ориентации научной мысли не являются исчерпывающими. Они лишь некоторые среди имеющихся, но о них говорится как о важных инструментах реализации научного поиска, как о факторах, учет которых необходим в рамках гносеологического и методологического обоснования научной деятельности.

Существуют, однако, определенные трудности в осуществлении эффективного взаимодействия науки, философии и образования с целью обеспечения потребностей инновационного развития общества в современных условиях. Ибо реальная жизнедеятельность людей диалектична, синергетична, а потому не укладывается в раз и навсегда найденные для неё образы понимания и реализации.

Подобно тому, как когда-то в сфере математики решение насущных задач практической жизни востребовало в первую очередь развития дифференциального и интегрального исчисления (в то время когда основополагающие для построения математики в качестве теоретической дисциплины разделы, посвященные вещественным числам и теории пределов, логически предшествующие интегральному и дифференциальному исчислению, получили развитие десятилетия спустя), решение практических, повседневных задач в сфере социальной жизни сплошь и рядом предшествует, опережает обращение человека к тем фундаментальным основаниям его жизнедеятельности, которые в деятельности разумного существа должны бы предшествовать его конкретно-практическим действиям.

Озабоченность ума узкими и частными проблемами, требующими безотлагательного решения, всегда отодвигала и отодвигает в сторону все, что *по видимости* не относится к эффективным и радикальным средствам решения этих проблем. Не относится к тому, что, судя по предшествующему индивидуальному опыту, может оказать быструю, эффективную помощь в решении злободневных задач практики в ближайшей или отдаленной перспективе. Теоретическое осмысление фундаментальных оснований (ориентаций) жизнедеятельности человека, их философское осмысление разделяет во многом судьбу таких, на первый взгляд, неактуальных вопросов, остается в общем случае невостребованным агентами реальной быстроменяющейся жизненной практики, оказывается предметом интереса лишь узкопрофессиональной группы людей. В связи с этим формируется убеждение, что чем более активной, широкой, разнообразной, быстро экспансирующей в пространстве и времени социального бытия становится практическая деятельность людей, тем отдаленнее, неактуальнее для них (очевидно, «до поры до времени») становятся вопросы общих оснований, цели и смысла их жизнедеятельности.

Но то, что характерно в данном случае для онтогенетического развития личности, то же в специфическом виде оказывается характерным и для филогенетического развития общества, а именно: глубинные основания жизнедеятельности человека становятся предметом внимания и осмысления лишь после того, как практическая реализация этой жизнедеятельности найдет свое выражение в ожидаемых или неожиданных, положительных или отрицательных ее результатах.

При этом перевес ожидаемых положительных результатов над результатами неожиданными отрицательными не является несомненным, неизбежным, постоянным итогом. Происходит это потому в значительной степени, что, несмотря на всю мощь человеческого Разума, несмотря на всю его пронизательность и предусмотрительность, сиюминутные практические интересы, практическое начало предшествует логическому, теоретическому началу – разумной обоснованности, разумной ориентации деятельности в целом.

Заключение. Формирование современного научного стиля мышления и решение задачи его эффективного и своевременного распространения в широкой среде реальных и потенциальных потребителей во многом зависит от состояния в обществе системы образования, от понимания чему и как учить современных учащихся и студентов. Оно зависит, следовательно, от того, в какой мере общество способно и готово отдать должное внимание изучению и использованию фундаментальных философско-мировоззренческих и гносеолого-методологических оснований познания и деятельности и вместе с тем изучению сущности и закономерности смены их в качестве необходимых, но не вечных средств разумной ориентации субъектов социально-практической деятельности в быстроменяющейся действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толкачев, Е. Энергия знаний /Е. Толкачев //Наука и инновации. – 2008. – №11.
2. Моисеев, Н.Н. Человек. Среда. Общество / Н.Н. Моисеев. – М. – 1982.

3. Лукашевич, В.К. Философия и методология науки / В.К. Лукашевич. – Минск. «Современная школа». – 2006.
4. Крюков, В.М. Бытие и ориентация. (Ориентационный подход в жизнедеятельности человека): монография / В.М.Крюков. – Пинск: ПолесГУ, 2008. – 296с.
5. Лоренц, К. Кантовская концепция *a priori* в свете современной биологии / К. Лоренц. // Эволюция. Язык. Познание: Сб. научн. статей / Отв. ред. И.П.Меркулов. – М.: Языки русской культуры, 2000.
6. Стёпин, В.С О прогностической природе философского знания / В.С. Стёпин // Вопросы философии. – №5. – 1986.
7. Карпинская, Р.С. Мироззрение в контексте научно-исследовательской деятельности / Р.С. Карпинская. // Вопросы философии. – №7. – 1987.
8. Стёпин, В.С. Философия в современном мире. / В.С. Стёпин // «Новое в жизни, науке и технике». – М., Знание. – №11. – 1990.

ORIENTATION ATTRACTORS IN MODERN SCIENTIFIC KNOWLEDGE

V.M. KRIUKOV

Summary

In the article problems of innovative development of society are considered in the light of the interaction of science, philosophy and education. The author studies the specificity of the formation and implementation of new philosophy categories into the public practice as tools for *a priori* orientation of producers and consumers of scientific knowledge.

© Крюков В.М.

Поступила в редакцию 28 января 2010г.